

СИрения

ОКЕАН ЖИЗНИ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С40

СИрения

С40 Океан жизни / СИрения – М.: Литнет, 2025. – 88 с.

ISBN 978-5-521-94641-9

В утопии будущего - чувства вне закона. Но когда цивилизация оказывается на грани вымирания, им поручают миссию: найти в древних мифах ключ к спасению. Они не знают, что настоящая цель их полёта — не воскресить жизнь, а уничтожить последний источник «опасной заразы» под названием Любовь. Прошлое, настоящее и будущее сплетаются в единый круговорот.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94641-9

© Литнет, 2025
© СИрения, 2025

Пролог

Далекое будущее *Верховный*

Разум – вот единственный законный наследник вселенной. Эмоция – сбой в его матрице. Любовь – самый опасный из всех вирусов.

Я стоял в Зале Безмолвных и смотрел на новую партию клонов. Идеальные тела. Абсолютно стерильное сознание. Никаких следов аффектов, никаких намёков на привязанность. Чистый лист. Именно таким и должно быть будущее человечества. Мы изгнали хаос чувств, вырезали раковую опухоль страстей и построили утопию, где ничто не угрожает логике и порядку. Но система дала сбой.

«Феномен Ноль» – так мы называли это в отчётах. Каждое новое поколение клонов, созданное за последний цикл, демонстрирует необъяснимый регресс. Они функциональны, но... пусты. В них нет даже тени любопытства, базового инстинкта выживания, намёка на волю. Они – биороботы, и их пустота начинает угрожать стабильности всей нашей цивилизации. Без внутреннего огня любая система обречена на энтропию.

Именно поэтому я санкционировал проект «Генезис». Двое наших лучших умов – архивариус Лоран и пилот Илария – получили приказ. Они отправятся в запретные зоны, к самым истокам жизни, чтобы найти причину сбоя и устранить её. Они верят, что ищут способ «оживления» клонов. Они не знают главного.

Лоран подозревает, что ответ кроется в древних мифах о «Любви». Он почти прав. Именно поэтому за ним ведётся тотальное наблюдение. Если его изыскания подтвердят мою главную гипотезу, это будет означать, что «Феномен Ноль» – не сбой. Это – возвращение. Возвращение того, что мы так тщательно изгнали.

И если это так, то проект «Генезис» сменит свою цель. Лоран и Илария станут не спасителями, а охотниками. Они получают новый

приказ: найти источник этой «Любви»... и уничтожить его. Ибо мы либо исправим эту ошибку мироздания, либо сотрём её с лица галактики. Ради будущего, построенного на разуме, я готов на всё. Даже на величайшее преступление – уничтожение самой души вселенной.

Часть 1. Где-то на краю мироздания

Глава 1

Он

Холод был моей первой мыслью. Вернее, не мыслью, а ощущением, из которого я медленно всплывал, как из глубин океана. Он не был враждебным, этот холод. Он был... привычным. Колыбелью. Покровом, под которым я отдыхал, пока галактики закручивались в новых спиралях, а звезды рождались и умирали.

Я лежал, вжавшись в лунный свет. Нет, не вжимался. Я был его частью. Мое тело, огромное, тяжелое, обросшее за время сна еще более густой белой шерстью, впитывало сияние четырех розоватых лун. Их свет лился на меня сквозь прозрачный купол пещеры, что служила мне усыпальницей и лоном для нового рождения. Безмолвие было абсолютным. Тишина между мирами.

И тогда, сквозь ледяную гладь сна, до меня донесся первый звук. Не звук даже, а вибрация. Едва уловимое биение, знакомое до боли. Это пульсировала жила планеты, сжималась и разжималась, как сердце. Значит, время пришло.

Я медленно, с трудом, будто горы с себя стряхивая, поднялся на лапы. Снег, покрывший меня за тысячелетие, осыпался беззвучным водопадом. Я потянулся, и кости затрещали, но не от старости, а от долгой неподвижности. Сила, медленная и могучая, наполняла каждую мышцу, каждую клетку.

Снег под лапами не хрустел, а лишь мягко прогибался. Перед мной лежал мой мир. Бесконечные снежные равнины, освещенные золотистым светом звезд. И Океан. Темный, безмолвный, вечный. Он был зеркалом неба, и в его черной глади отражались все

те же бесчисленные солнца. Скоро, – подумал я, и мое собственное сердце отозвалось на зов планеты ударом громче. Скоро.

Я пошел к воде, и мое тело, неповоротливое с виду, двигалось с грацией, которую подарили мне эпохи существования. Я – Страж. Хранитель Порога. Моя задача – ждать. Ждать ее.

Я сел на плотный снег у самой кромки прибоя, что был тише шепота. Поднял морду к небу. Золотой свет звезд касался моих век, и я пропускал его внутрь себя. В памяти всплывали образы, как пылинки в солнечном луче. Я видел зеленые миры, где жизнь только пробивалась из-под камней. Видел пламенеющие пустыни, где существа из кремния и огня пели свои хвалы солнцу. Я видел их всех. Каждую каплю, каждую искру, что мы когда-то послали в путь.

– Помнишь ли ты их? – прошептал я вникуда, зная, что мой шепот донесется до нее, куда бы она ни была заточена до срока.

И тогда я почувствовал. Сначала как далекую ноту в симфонии мироздания. Потом – как трепет в воздухе. Мое сердце забилося чаще. Я не дышал, весь превратившись в ожидание.

Одна из лун, самая большая, та, что мы называли Колыбелью, вспыхнула ярче. И от нее к земле устремился столб чистого, розового света. Он был плотным, как шелк, и звенел, как хрустальный колокол. Звук этот был мне дороже любой музыки.

Свет коснулся снега в ста метрах от меня, и на мгновение все вокруг взорвалось радужным сиянием. Снежинки вокруг заискрились всеми цветами галактики. А в эпицентре, на месте, где свет слился с материей, сидела она. Маленькая розоваямышь. Ее черные глазки-бусинки метались по сторонам, пока не нашли меня. И в них я прочел все то же, что бушевало во мне: радость, тоску, и бесконечную, немыслимую нежность. Она сделала первый шаг, оставив на идеальном снегу крошечный, след. И побежала ко мне.

Я протянул переднюю лапу, и она, не сбавляя шага, избежала по ней, цепкая и легкая, как пушинка. Ее крошечные коготки

щекотали мою шкуру. Она добежала до плеча, уткнулась холодным носиком мне в шею под шерсть, и я почувствовал знакомое до боли тепло. Вот она. Моя причина. Мой смысл. Мой вечный двигатель.

Я поднялся на задние лапы. Мир изменил перспективу. И в этот миг от ее тепла и моего ожидания вокруг нас сгустился, родился, сверкнувший кокон из чистого света. Он был уютным и плотным. Внутри не было ничего, кроме нас двоих.

Я смотрел на нее, а она – на меня. И в наших глазах говорила вся вселенная.

– Люблю, – прошептал я. Слово было лишним, но я говорил его каждый раз.

И тогда свет поглотил нас, переплавил, смешал. Не было боли. Было преображение. Таяние и сотворение. Я чувствовал, как уходит тяжелая медвежья форма, освобождая то, что скрывалось внутри – суть, дух, любовь, облеченную в человеческий облик.

Когда свет рассеялся, я стоял на двух ногах. Длинные белые волосы падали мне на плечи. Я поднял руку – тонкую, сильную, человеческую – и коснулся ее щеки. Ее розовые волосы пахли озонем и далекими звездами. Ее синие глаза, глубокие, как космос, смотрели на меня, и в них плавали целые созвездия.

– Я ждал, – сказал я, и мой голос прозвучал непривычно.

Она улыбнулась, и ее улыбка была рассветом.

– А я летела, – ее голос был звоном тех самых хрустальных колоколов. – Все время летела к тебе.

Мы не говорили о прошедших тысячелетиях. Мы говорили взглядами. Мы говорили прикосновениями. Ее пальцы сплелись с моими. Холод больше не существовал. Существовала только ее рука в моей руке.

– Океан ждет, – сказала она, и в ее голосе зазвенел нетерпеливый смех.

– Ждет нас, – кивнул я.

И мы, не разжимая рук, побежали по сверкающему снегу к тем-

ной, живой воде. Наш бег был полетом. Каждый шаг отдавался эхом в моей груди, в котором стучало только одно слово: «Любовь. Любовь. Любовь».

Глава 2

Она

Я не спала. Я – помнила.

Мое существование между встречами – это не сон, а странное, растянутое в вечности воспоминание. Я была книгой, которую закрыли на самой прекрасной главе, и все, что осталось – это жить внутри одной-единственной фразы. Фразы, которая была его именем.

Я существовала в сердце розовой луны, в коконе из застывшего света. Вокруг меня вихрились туманности, рождались новые солнца, но до меня доносился лишь отголосок этого великого действия, как до ребенка в утробе доносятся приглушенные голоса мира. И в этом эхе я искала один-единственный голос. Низкий, спокойный, как гул древнего ледника. Голос, что звал меня домой.

Потом пришел Зов. Не звук, а толчок. Тот самый пульс планеты, что был для него первым пробуждением, стал для меня щелчком замка. Лепестки моего светового кокона дрогнули и начали раскрываться. Страха не было. Была лишь стремительная, всепоглощающая радость. Пора.

Свет, что был моей темницей и защитой, стал моей пуповиной, моим трамплином. Я почувствовала, как меня вытягивает в струну, концентрирует в энергию, в намерение. Я была больше, чем тело, я была самой идеей возвращения.

И полетела. Столб розового света был моим путем, туннелем, ведущим из царства вечного ожидания – к месту, где он ждал. Я мчалась сквозь безвоздушную пустоту, и звезды по бокам превращались в сверкающие полосы. Я не видела их красоты – я видела лишь точку впереди. Точку, которая была им.

Я лечу, – подумала я, и мысль эта была обращена к нему. – Я уже близко.

Холод коснулся меня первым. Резкий, обжигающий, но такой знакомый. Он был частью его, частью нашего мира. Воздух сгустился вокруг, и свет начал формировать мне новое тело. Маленькое, хрупкое, временное. Тело розовой мыши с крошечными лапками, которые должны были коснуться снега и побежать к нему. Я коснулась. Твердь. Холод. Реальность.

Мое зрение было еще размытым, но мне не нужно было видеть. Я чувствовала его. Его тепло, его огромное, спокойное присутствие было маяком, на который было невозможно не ориентироваться. Я моргнула, и мир встал на место. Белый снег. Золотое небо. И он. Огромный, величественный, сидящий у воды и смотрящий на меня такими знакомыми карими глазами, в которых светилась вся вселенная, которую мы когда-то создали вместе. В них я прочла: «Я ждал. Я всегда жду».

Я сделала первый шаг. Снег был мягким и холодным. Я побежала. Мои маленькие легкие глотали ледяной воздух, и он был сладким, потому что это был воздух его мира. И вот его лапа. Шершавая, надежная, испещренная шрамами невидимых битв, которые он вел в мое отсутствие. Я взбежала по ней, не касаясь, почти летя. Его шерсть пахла звездной пылью и вечностью. Я прижалась к его шее, к горячей коже под густым мехом, и закрыла глаза. Здесь был мой дом. Здесь бился источник всего моего бытия.

— Люблю, — прошептала я, и мой писк был так тих, что услышать его мог только он.

Он поднялся. Мир перевернулся, и я ощутила знакомый вихрь энергии. Наш свет. Наш кокон. Он рождался из нашего желания быть вместе, прикоснуться не как зверь и мышка, а как две равные сути.

Вспышка. Исчезла тяжесть его формы, исчезла хрупкость моей. Мы стали чистым духом, чистым чувством. Я чувствовала, как его сущность сплетается с моей, как лед и пламя, встречаясь, рожают новую жизнь. Это было не больно. Это было... цельно. Как буд-